
УДК 81'42:347.97

ББК 81.0

Л 87

Лучинская Е.Н.

Доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой общего и славяно-русского языкознания Кубанского государственного университета, e-mail: bekketsam@yandex.ru

Сизоненко И.Б.

Старший преподаватель кафедры иностранных языков и языкознания СКФ ФГБОУ ВПО «Российская Академия Правосудия» (г. Краснодар), соискатель кафедры общего и славяно-русского языкознания Кубанского государственного университета, e-mail: rowugra@mail.ru

Перформативность судебного дискурса

(Рецензирована)

Аннотация:

Анализируется понятие перформативности в судебном дискурсе. Отмечается, что исследуемый феномен является важным признаком институциональных дискурсов. В процессе анализа языковых репрезентаций определяются основные функции перформативности. Выделяются виды дискурсивных элементов. Устанавливается, что реализация данного явления в судебном дискурсе усиливает действенность высказываний и способствует правильному усвоению смысла.

Ключевые слова:

Перформативность, дискурсивные элементы, судебный дискурс, юридическая терминология.

Luchinskaya E.N.

Doctor of Philology, Professor, Head of Department of the General and Slavic-and-Russian Linguistics, Kuban State University, e-mail: bekketsam@yandex.ru

Sizonenko I.B.

Senior teacher of Foreign Languages and Linguistics Department, Russian Academy of Justice, Krasnodar, Applicant for Candidate's degree of Department of the General and Slavic-and-Russian Linguistics, Kuban State University, e-mail: rowugra@mail.ru

Performativity of judicial discourse

Abstract:

The paper deals with a definition of performativity in a judicial discourse. Performativity is claimed to be the important feature of institutional discourses. The analysis of the linguistic representations of judicial discourse shows different types of discursive elements. The main functions of performativity in a judicial discourse are defined. It is established that the function of performativity is realization of the logic of communication.

Keywords:

Performativity, discursive elements, judicial discourse, terms of law.

В современных научных исследованиях юридический дискурс определенным образом причисляется к перформативным видам институционального дискурса [1: 300]. Судебный дискурс – разновидность юридического дискурса, и перформативность является важнейшей его составляющей.

Сегодня перформативность рассматривается в самых разных научных направлениях – лингвистике, социологии, литературоведении и пр., что способствует появлению нескольких трактовок данного феномена. Согласно И.В.Четыркиной, «под перформативностью понимается и различие между «констативными» и «перформативными» высказываниями теории речевых актов, и понятие перформативности системы Ж.-Ф. Лиотара (в смысле измеряемой усилий), эффективности затраченных на достижение чего-либо, перформативность современных гендерных и социальных теорий» [2: 7].

В понятийном аспекте перформативность соотносится с исполнением определенных актов, а именно исполнением театральных или ритуальных речевых действий, материальным воплощением посланий в «акте письма» (в том числе компьютерного), а также процессом интерпретации своего представления в акте чтения и т.д.

Термин «перформатив», введенный в науку Дж. Остином [3: 262], коррелирует с констативными и перформативными высказываниями. Констативные высказывания описывают существующее состояние дел или утверждают факты, при этом они могут быть истинными или ложными. Перформативные высказывания, в отличие от констативных, способствуют реализации последующих действий, которые они называют. Перформативные речевые акты осуществляют действия, создают факты и устанавливают сущности [4]. В этом смысле они не могут быть истинными или ложными, они могут быть только успешными или неуспешными. Таким образом, в теории перформативности

Дж.Остин определил тип «высказываний, которые выглядят как утверждения и которые грамматически... классифицируются именно как утверждения, – но, не являясь бессмысленными, не могут быть ни истинными, ни ложными» [3: 264].

Понимание перформативности получило дальнейшее развитие и уточнение в постструктурализме: в настоящее время различают перформанс (performance) и перформативность. Перформанс понимается как исполнение, осуществление действия и предполагает наличие действующего субъекта. Перформативность выделяет ведущую роль независимого, интенционально действующего субъекта. Таким образом, перформативность высказывания подчеркивает значимость этого высказывания в речевом акте и через него.

Знаковая или культурная сущность перформативного высказывания заключается в том, что оно должно быть узвано и репрезентировано как «цитата» или как ритуал. Таким образом, следует указать на цитатность и прецедентность перформативного высказывания.

Перформативность входит в понятийный аппарат текстологических исследований: по отношению к тексту термин «перформативность» означает, что текст не столько говорит о чем-то, сколько показывает нечто, сопровождает производимое его исполнением, подтверждая тем самым подлинность сказанного. Перформативность проявляется посредством риторических вопросов, парадоксальных парабол, неожиданных метафор и пр.

Понятие перформативности в последние годы приобретает все большее значение для культурологических и социальных дисциплин. Представители различных европейских научных школ единодушно признают, что понятие перформативности учитывает различные дисциплинарные подходы к проблемам социальной действительности. Вопрос о перформативном характере социальных действий, как и вопрос о перформатив-

ной заданности общественно создаваемых символов и знаний, имеет большое значение не только для культурологических исследований, но и приобретает практический характер в анализе различных общественных практик. Чрезвычайно актуальным данное положение оказывается при исследовании судебного дискурса, в котором перформативы являются обязательным элементом языковой составляющей данной разновидности институционального дискурса.

В качестве объекта нашего исследования выступает пространство правового, в частности, судебного дискурса. Перформативный эффект социального действия, вызываемый произнесением ритуальных слов в определенных ситуациях по принятым правилам (перформативных высказываний в суде, например, «Клянусь говорить только правду, правду и ничего, кроме правды»), возникает совершенно независимо от намерений говорящего. В суде говорящий может и должен учитывать ситуативный контекст и выстраивать собственные речевые стратегии таким образом, чтобы достигать желаемых результатов.

В судебном дискурсе любое доказательство должно быть доказательным. Более того, оно должно быть продемонстрировано, и данный факт превращает цепочку фраз в дискурсивно действующий рычаг, способный производить эффект принуждения к принятию соответствующего тезиса.

Отмечая важную аргументативную роль перформативных высказываний, В.Кузнецов высказывает следующую мысль: «Действенность доказательства, однако, принципиально ограничена, как правило, той аксиоматической системой, в которой оно произведено. А обоснование или аргументация неизбежно оказываются менее сильными, и вдобавок обычно не менее ограниченными.... Тем не менее? апелляция к перформативности позволяет выстроить аргумент, практически не требующий признания каких-либо

дополнительных посылок» [5: 149].

Следует подчеркнуть, что в судебном дискурсе язык не просто символизирует какую-то ситуацию или какой-то объект. Дж. Мид отмечает, что «он есть часть того механизма, в котором эта ситуация или этот объект только и **созидаются**» [6: 223]. Кроме того, понятие перформативности обусловлено культурой, поскольку культура включает в себя те перформативные ценности, которые способны породить более крупные контенты.

Так, например, в римском праве центральными перформативами являются индоевропейские глаголы учтивости, которые в ритуальных перформативных ядрах переходят в сферу письменных контрактов. «Содержание культуры ...осознается в терминах языка как «ценность», переживаемая носителями культуры» [7: 29]. Согласно З.А. Мамишевой, «формирование национальных интересов представляет собой длительный исторический процесс, осуществляющийся в сложном переплетении экономических, социальных, национально-психологических и иных факторов, в совокупности определяющих содержание и характер национально-исторического опыта данного народа» [8: 209].

В правовой документации проводят различие между преамбулой, воспроизводящей обстоятельства, в которых была совершена сделка, и, с другой стороны, действующей частью документа – той частью, которая сама по себе является осуществлением узаконенного действия, являющегося конечной целью документа в целом. Поэтому слово «действующий» (operative) является чрезвычайно близким тому, что Дж. Остин понимал под перформативом. С.Г. Проскурин отмечает, что «правовые отношения возникли как продолжение перформативных высказываний, за которыми закрепились права и обязательства» [7: 27].

Например, существующая сегодня синонимия терминов, обозначающих

понятие «иск» в англоязычном судебном дискурсе, объясняется экстралингвистическими факторами: сложным процессом развития и становления политико-административных и политических институтов Англии. Судебный процесс в судах Англии в средние века носил трагикомический характер. Комизм английского судопроизводства заключался в его необычайной помпезности, доведенной до абсурда, когда нельзя было провести грань между судебным заседанием и театром. Используемые английскими судами формы исков были необычайно сложны не только для истцов и их адвокатов, но и для самих судей. Вследствие этого ошибка истца в форме иска и его адвоката в языке иска приводила к проигрышу дела. Появление канцлерских судов (судов права справедливости) привело к упрощению формы иска. Была введена одна форма – *the bill of complaint*, которая значительно отличалась от всех других форм иска по общему праву, обозначенных термином *plea*. Несколько позже появилось еще два термина для обозначения исков по праву справедливости *suit* и *claim* (то есть исковые заявления с упрощенной формой). Впоследствии термин *suit* расширил свое денотативное значение и стал применяться как для обозначения

исков по общему праву, так и по праву справедливости [7: 25].

Другим источником синонимии в англоязычном судебном дискурсе является переход некоторых слов из профессионального сленга судей, адвокатов и полицейских в разряд терминов. Юридическая терминология, в которой преобладают мотивированные термины, не может полностью быть изолирована от отношений, типичных для общего языка. Кроме того, профессиональная лексика в судебном дискурсе отражает влияние экстралингвистических факторов, которые способствовали их формированию (проникновение профессионализмов из данного варианта языка, необходимость в разграничении понятий).

Итак, изучение перформативности как обязательной составляющей судебного дискурса продолжает оставаться актуальной задачей, поскольку «правильное усвоение смысла и значения норм уголовно-процессуального права составляет в то же время необходимое условие их сознательного и добровольного осуществления (соблюдения, выполнения) всеми участниками уголовного судопроизводства» [9: 214]. Анализ акциональной сущности перформативных практик можно считать перспективным направлением в исследовании судебного дискурса.

Примечания:

1. Карасик В.И. Языковые ключи. М.: Гнозис, 2009. 406 с.
2. Четыркина И.В. Перформативность речевых практик как конститутивный признак культуры: этническая и историческая перспектива: дис. ... д-ра филол. наук. Краснодар, 2006. 287 с.
3. Остин Дж. Перформативные высказывания // Остин Дж. Три способа пролить чернила. СПб., 2006. С. 262-281.
4. Остин Дж. Три способа пролить чернила. СПб.: Алетейя, 2006. 335 с.
5. Кузнецов В. Перформативность и уровни коммуникации // Логос. 2009. № 2 (70). С. 136-150.
6. Мид Дж. От жеста к символу // Американская социологическая мысль. М., 1994. С. 221-229.
7. Проскурин С.Г. Тематическая сеть языка и культуры // Критика и семиотика. Новосибирск, 2011. Вып. 15. С. 24-30.
8. Мамишева З.А. Правовые основы обеспечения национальной безопасности Рос-

сии // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. Майкоп, 2012. Вып. 2. С. 208-214.

9. Ловпаче З.Х. Толкование норм уголовно-процессуального права – необходимая предпосылка и условие их правильного применения // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. Майкоп, 2012. Вып. 2. С. 214-220.

References:

1. Karasik V.I. Linguistic clues. M.: Gnosis, 2009. 406 pp.
2. Chetyrkina I.V. Performativity of speech practices as a constitutive sign of culture: ethnic and historical perspective: Diss. for the Dr. of Philology degree. Krasnodar, 2006. 287 pp.
3. Austin J. Performatory utterances // Austin J. Three ways of spilling ink. SPb. 2006 . P. 262-281.
4. Austin J. Three ways of spilling ink. SPb.: Aleteiya, 2006. 335 pp.
5. Kuznetsov V. Performativity and communication levels // Logos. 2009. No. 2 (70). P. 136-150.
6. Mid J. From gesture to symbol // The American sociological thought. M., 1994. P. 221-229.
7. Proskurin S.G. The thematic system of language and culture // Criticism and semiotics. Novosibirsk, 2011. Issue 15. P. 24-30.
8. Mamisheva Z.A. Legal bases of ensuring the national security of Russia // The Bulletin of the Adyghe State University. Series «Area studies, philosophy, history, sociology, jurisprudence, political sciences and cultural studies». Maikop, 2012. Issue 2. P. 208-214.
9. Lovpache Z.Kh. Interpretation of norms of the criminality-procedural law as the necessary precondition and the condition of their correct application // The Bulletin of the Adyghe State University. Series «Area studies, philosophy, history, sociology, jurisprudence, political sciences and cultural studies». 2012. Issue 2. P. 214-220.